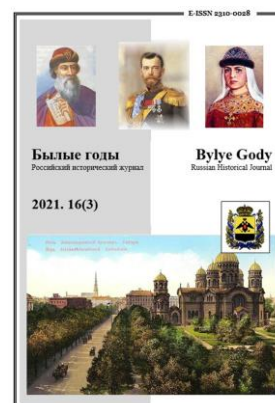

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(3): 1203-1210
 DOI: 10.13187/bg.2021.3.1203
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Problem of the Old Believers in Russian Journalism in the second half of the 19th – early 20th centuries: the Question of Preserving Traditional Values and the Historical Memory of the Russian People

Ekaterina V. Bykova ^a, Konstantin N. Tarasov ^{a, *}

^aVyatka state university, Russian Federation

Abstract

The article examines the issue of the reflection of Old Believers' themes in Russian socio-political journalism of the second half of the 19th – early 20th centuries. The source base of the research is made up of materials from Russian newspaper and magazine periodicals. The views on the Old Believers of representatives of the main directions of the ideological and political spectrum of social thought in Russia of the specified period (conservatives, liberals, soil people, revolutionary and liberal populists), as well as publicists – adherents of official Orthodoxy and the Russian Orthodox Church are analyzed. The assessments by publicists of different political directions of the historical potential, socio-cultural heritage, social and political protest potential of the Old Believers are compared. The dynamics of the development of domestic socio-political journalism dedicated to the Old Believers for the period of the end of the 1850s is revealed – 1905. It was established that during the second half of the 19th – early 20th century. The Old Believers were in the sphere of attention of all political forces of Russian society, and each direction of the social movement interpreted the split based on its own doctrinal provisions. Most representatives of the social movement are beginning to perceive the split as an important social, cultural and even political factor in the historical renewal of Russia.

Keywords: Old Believers, journalism, traditions, historical memory, social movement.

1. Введение

История российского старообрядчества продолжает оставаться динамично развивающимся направлением отечественной исторической науки. В числе прочего исследователи обращаются к изучению взглядов ведущих отечественных историков, философов, обществоведов, представителей общественно-политической мысли на историю и культуру старообрядчества. В данном контексте представляется небезынтесным рассмотрение проблемы отражения старообрядческой тематики в российской общественно-политической публицистике. Начиная с рубежа 1850–1860-х гг., российское образованное общество открывает для себя феномен старообрядчества. Староверие начинает входить в сферу внимания различных общественно-политических сил как лояльных, так и оппозиционных самодержавию. Большинство представителей общественного движения начинают воспринимать раскол как важный социальный, культурный и даже политический фактор исторического обновления России.

Предметом исследования выступает проблема отражения вопроса о старообрядчестве в российской общественно-политической публицистике второй половины XIX – начала XX вв. Нижняя хронологическая рамка исследования – рубеж 1850–1860-х гг. – время накопления фактического материала о староверии и формирования интереса к этому феномену образованного общества и представителей общественного движения. Верхняя хронологическая рамка – 1905 г. – время кардинальных изменений в социально-политическом строе Российской империи в целом и в общественно-политическом статусе старообрядчества в частности.

* Corresponding author

E-mail addresses: tar-87@mail.ru (K.N. Tarasov)

Задачи исследования: изучение взглядов на старообрядчество представителей основных направлений идейно-политического спектра общественной мысли России указанного периода; сопоставление подходов авторов, придерживающихся разных политических взглядов; выявление динамики развития отечественной общественно-политической публицистики, посвященной старообрядчеству, за период конца 1850–1905 гг.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составляют материалы российской газетной и журнальной периодики. Издания и авторы сгруппированы в зависимости от принадлежности к определенному идейно-политическому направлению: консервативно-монархические издания (газета «Московские ведомости», журнал «Русский вестник»; авторы М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев, К.П. Победоносцев, Т.И. Филиппов, Л.А. Тихомиров), «почвеннические» и славянофильские издания (газета «Современные известия», журнал «Русская беседа»; авторы И.С. Аксаков, Ф.М. Достоевский, Н.С. Лесков, Н.П. Гиляров-Платонов), либеральные (газета «Новое время», журналы «Отечественные записки» и «Вестник Европы»: авторы К.Н. Бестужев-Рюмин, А.Н. Пышин), издания либерального народничества (журналы «Современник» и «Русская мысль»; авторы Н.И. Костомаров, А.С. Пругавин, И.И. Каблиц), издания революционных народников (газета «Колокол»; авторы А.И. Герцен, Н.П. Огарев, М.А. Бакунин), а также периодические издания, отстаивающие позицию официальной Русской православной церкви (журналы «Христианское чтение», «Православное обозрение»; авторы И.Ф. Нильский, Н.И. Субботин). Анализируемые газетные и журнальные статьи, посвященные проблеме старообрядчества, носили различный характер. Среди них были откровенно политизированные, написанные на злобу дня, а также памфлеты, принижающие или даже высмеивающие староверов. Однако большая часть публицистики содержала значительные элементы научного анализа, историософские и богословские обобщения.

Работа основана на базовых принципах исторического познания – историзма, объективности, системности. Применялись основные специально-исторические методы. Историко-генетический метод использовался при выявлении логики развития публицистики о старообрядчестве за период второй половины XIX – начала XX вв. При помощи историко-типологического метода общественно-политическая публицистика была структурирована соответственно основным направлениям российского общественного движения – консерватизм, почвенничество, либерализм, либеральное народничество, революционное народничество. Сравнительно-исторический метод был нацелен на выявление общего и особенного в подходах представителей разных идеологических направлений к проблеме социокультурного и исторического потенциала российского староверия. Историко-системный метод использовался при характеристике зависимости подходов к оценке староверия от идеологической системы, адептом которой являлся тот или иной мыслитель.

3. Обсуждение

Отечественные историки ранее обращались к изучению отдельных аспектов темы отражения исторического опыта старообрядчества в российской общественной мысли в целом и на страницах периодической печати в частности.

Так, в монографии А.П. Дмитриева упомянуто об отношении Н.П. Гилярова-Платонова к староверию и отражении этого вопроса на страницах газеты «Современные известия». Взгляды Гилярова-Платонова на раскол сопоставляются с подходами его коллег и корреспондентов И.С. Аксакова и Н.С. Лескова (Дмитриев, 2018). В работе А.Я. и К.Я. Кожуриных исследовано отношение российских консерваторов к проблеме раскола. Отмечается, что в консервативном лагере по данному вопросу разброс мнений был значительный – от резкого неприятия до признания староверия фактором исторического обновления России (Кожурин, Кожурин, 2014). В статье К.М. Товбина, Р.Ю. Атобина и К.Я. Кожурина оценивается специфика трактовок социокультурного потенциала старообрядчества с позиции подходов разных отраслей социально-гуманитарного знания (социологического, культурологического и др.), а также либерального и консервативного историософских дискурсов (Товбин и др., 2018). В работе С.Д. Снигиревой проведены аналогии между восприятием староверия как историко-культурного феномена Ф.М. Достоевским и демократической концепцией раскола, сформулированной его известным исследователем А.П. Щаповым. Автор доказывает тождественность подходов народников и почвенников в оценках староверия как носителя исконно русских форм коллективных идентичностей, общинного самоуправления, соборной ментальности (Снигирева, 2020). В.В. Молзинский анализирует подходы различных российских историков (некоторые из них являлись также и оригинальными публицистами) к изучению исторической и социальной природы раскола. Отмечается, что подавляющее большинство представителей отечественной историографии указанного периода подчеркивали историческую закономерность появления раскола, отмечали его значительный исторический потенциал (Молзинский, 2017). В монографии А.В. Пыжикова подробно описан феномен пробуждения массового интереса к старообрядчеству в среде русского образованного общества на рубеже 1850–1860-х гг. Автор подчеркивает, что многие представители общественного движения и общественной

мысли той поры пути дальнейшего исторического развития страны напрямую связывали с необходимостью обращения к историческому, социокультурному и духовному опыту староверия (Пыжиков, 2018). В работе Н.Ю. Кузнецовой проанализированы взгляды двух известных исследователей российского старообрядчества, представителей народничества, по вопросу социальных отношений и духовно-нравственного облика староверия. Автор приходит к выводу, что ориентация ученых на народническую идеологию не повлияла на достоверность и объективность научных выводов, а скорее наоборот, позволила глубже понять сущность быта и нравов раскольников (Кузнецова, 2019). В работе Н.В. Асиповой изучена проблема отражения в общественном мнении России вопроса об исторической специфике и современном состоянии раскола. Рассмотрены и сопоставлены взгляды на раскол представителей разных направлений общественной мысли (Асипова, 2009). Однако указанная проблема рассмотрена на протяжении сравнительно небольшого исторического периода и не отражает динамики изменений общественного мнения за весь период второй половины XIX – начала XX вв.

Вместе с тем отдельное исследование, посвященное анализу проблемы отражения темы староверия как носителя традиционных ценностей и исторической памяти русского народа на страницах российской периодической печати за период второй половины XIX – начала XX вв., в исторической науке отсутствует. Данная работа в некоторой степени призвана заполнить эту лауну в изучении старообрядчества.

4. Результаты

Каждое идеологическое течение трактовало раскол прежде всего с точки зрения своих доктринальных позиций. Так, консерваторы и представители РПЦ считали необходимым вхождение раскола в лоно официального православия. Последствием возможного введения свободы совести они считали массовый переход подданных в раскол. В старообрядчестве правые видели опасную для государственного строя силу, но вместе с тем социокультурный опыт староверия рассматривали как маргинальный по отношению к официальным православию и церкви.

В стане российских консерваторов принципиальным и последовательным противником старообрядчества являлся К.П. Победоносцев. При этом, занимая должность обер-прокурора Святейшего синода, Константин Петрович полагал, что в популярности раскола в широких народных массах виновата сама Русская православная церковь: низкий уровень образования большинства рядовых священников, казенный характер самой церкви, ее зависимость от государственных структур. Победоносцев также считал, что введение свободы совести (популярный в пореформенной России лозунг) толкнет в раскол широкие слои населения: настолько староверие привлекательнее официального православия (Победоносцев, 1901: 38-45).

Немалое значение в корректировке взглядов М.Н. Каткова на староверие оказало лояльное отношение его адептов к самодержавию во время польского восстания 1863–1864 гг. Старообрядчество Западного края стало восприниматься публицистом в качестве одного из факторов спокойствия в этом регионе империи. На страницах «Московских ведомостей» их редактор даже призывал усилить роль староверов в органах местного самоуправления в западных губерниях. Интересно, что для консерватора Каткова раскол был не борьбой с православием, а силой, отстаивающей традиционное православие. М.Н. Катков предлагал относиться к староверам нейтрально, т.е. не преследовать, но и не поощрять (Катков, 1864: 174-175).

Одной из главных задач своей деятельности на важных государственных постах Т.И. Филиппов считал реализацию уравнивания прав староверов с православными. Он был убежден, что староверы не выступают против православия: они не отказались от его основных догматов, поэтому староверие не представляет опасности для государственного строя (Пророки..., 2012: 109).

Другой консерватор, К.Н. Леонтьев, будучи последовательным противником буржуазного общественного строя, воспринимал старообрядчество как одно из орудий против ненавидимой им капиталистической модернизации пореформенного российского общества. Идеолог подчеркивал, что в отличие от либералов, староверы «смотрят на свободу только как на средство для целей более глубоких и более почтенных» (Леонтьев, 1996: 239). Более того, Леонтьев был склонен видеть в старообрядчестве надежного союзника правительства против растущих в интеллигентской среде радикализма и нигилизма. Оппозицией же существующему строю староверие априори быть не может: религиозный и культурный компонент в нем преобладает над политическим.

Ведущий теоретик российского консерватизма начала XX в. Л.А. Тихомиров, напротив, оставался последовательным противником староверия. В либеральной политике самодержавия начала XX в. по отношению к старообрядчеству он видел реальную угрозу существовавшему социально-политическому строю, путь к упразднению самодержавия. Староверие, утверждал публицист, препятствует политической и религиозной консолидации нации, оно социально и политически активно, а значит опасно для самодержавной власти (Тихомиров, 1912).

Для публицистики В.В. Розанова было характерно противопоставление старообрядчества как народной веры официальному православию. Для старообрядца вера являлась повседневной жизнью, в то время как для интеллигенции и элиты – вопросом отвлеченного умствования. Розанов всячески

поддерживал либерализацию вероисповедной политики самодержавия в отношении раскола в начале XX в. Источниками значительного исторического, культурного, реформаторского потенциала раскола мыслитель называл «постоянный труд, трезвость, сбережение своего одноверца, солидарность и прочность семейного уклада» (Розанов, 1905). Он задавался вопросом, на каком основании староверов называют раскольниками, ведь «сами они ничего не раскалывали», откололось от них все остальное общество.

Профессор Санкт-Петербургской духовной академии И.Ф. Нильский критиковал раскол и его историческое наследие с позиций официальной РПЦ. Староверие в статьях этого автора выступало синонимом невежества и фанатизма. Социально и политически раскол пассивен, его сущность заключена только в застывшей догматике. Он представляет собой отпадение от православия, т.е. является ересью. Раскол исторически обречен, он несет в себе лишь худшие черты русской ментальности и русского народного быта. Традиции старообрядческого самоуправления архаичны и не имеют ничего общего с общинными порядками Древней Руси (Нильский, 1863: 24-27).

Во многом солидаризировался с Нильским профессор Московской духовной академии Н.И. Субботин. В своей публицистике, касающейся старообрядчества, он доказывал, что раскол отторгает все новое, неспособен к саморазвитию, не консолидирован, а значит, изживает сам себя. Однако отдельные старообрядческие общины богаты и влиятельны, воздействуют на власть и мирян, умеют перетягивать на свою сторону народ. Также велика опасность неучтенного раскола. При этом в староверах XIX в. уже нет ни воинствующего антиэтатизма, ни радикализма левой эмиграции (Субботин, 1892: 58-66).

В отличие от консерваторов, почвенники и славянофилы выступали за установление равноправия раскольников с остальными подданными, в том числе и через введение свободы совести. Они были убеждены, что старообрядчество несет в себе лучшие исконные традиции русского народа, черты ментальности, быта, самоуправления. Обращение к историческому и культурному опыту раскола они воспринимали в качестве обязательного условия духовного возрождения России. Кроме этого, в трудовой этике староверия они видели альтернативу предпринимательской этике протестантизма.

Так, Ф.М. Достоевский был убежден, что расколом движет глубокое недовольство действительностью, исконно присущее русской душе стремление к истине и идеалу. Раскол стал закономерным историческим явлением, в котором отразилось пробуждение русского народного сознания и умственной деятельности. Староверие наиболее полно отражает один из главных принципов русской православной культуры: духовное очищение возможно только через страдание. На страницах своих изданий Достоевский подчеркивал, что обращение образованного общества к историческому и культурному опыту старообрядчества позволит преодолеть ментальную пропасть между интеллигенцией и народом. Приобщение интеллектуальной элиты к духовным традициям русского народа он видел прежде всего через вдумчивое изучение староверия. Кроме того, традиции общинного и артельного самоуправления в среде староверов должны быть приняты во внимание при подготовке и проведении реформ местного самоуправления, прежде всего земской (Достоевский, 2011: 407-422). Достоевским всячески подчеркивалось духовно-нравственное содержание раскольничьего протеста как альтернативы пугачевскому (антигосударственному, разрушительному) бунту.

Как и большинство представителей почвенничества, Н.С. Лесков ждал от старообрядчества духовного возрождения российского общества, прежде всего его образованной части. Писатель и публицист критиковал политизацию веры революционными народниками как демагогическое искажение действительности. Он подчеркивал, что уравнивание в правах староверов с другими подданными обнулит протестный потенциал старообрядчества, т.к. они хотят не ликвидации власти, а свободы исповедовать свою веру (Лесков, 1956-1958: 36-52). В отличие от И.С. Аксакова и Н.П. Гилярова-Платонова, которые ратовали за слияние староверия с официальным православием, Лесков был убежден, что раскол ценен и жизнеспособен только в рамках противостояния Русской православной церкви.

Другой почвенник, редактор газеты «Современные известия» Н.П. Гиляров-Платонов, утверждал, что усиление раскола произошло в эпоху Петра I, когда было положено начало разобщению между образованным обществом и народом. Тем самым религиозный раскол усилился расколом культурным. Гиляров-Платонов воспринимал изменение отношения общества к старообрядчеству с негативного на позитивное как важную задачу своего общественного служения. Он подчеркивал, что староверы – это такие же русские православные люди, как и адепты официального православия. Их менталитет, семейные устои, общественные отношения мало чем отличаются от «быта большинства российских подданных». Это сходство является основой для сближения двух частей русского народа, консолидации нации (Гиляров-Платонов, 1905: 87-102).

Один из основателей славянофильства, И.С. Аксаков, близко знавший раскольников по службе в МВД, также ратовал за вероисповедное объединение русского народа, восстановление церковного единства. Их неперемным условием он считал введение свободы совести. Иноверие следует рассматривать как дело личной совести, а не в качестве государственного преступления. В отличие от Н.С. Лескова, считавшего (как и большинство староверов) свободу совести путем к безверию, Аксаков

видел в свободе совести гарантию от казенного характера веры и церкви, навязываемых подданному государством (Аксаков, 2010: 445).

Для отношения к староверию либералов было характерно дистанцирование от клерикальной и государственнической ангажированности. Раскольников всех толков и согласий они считали неотъемлемой частью гражданского общества. Проблема раскола в либеральной публицистике решалась в контексте формирования основ гражданского общества и правового государства, когда гарантированы свобода совести и равенство в правах всех граждан, независимо от их конфессиональной принадлежности.

Примечательно, что, как либерал, К.Н. Бестужев-Рюмин был уверен, что раскол вовсе не представлял собой протест против европейских новаций. Более того, русский народ охотно заимствует европейский опыт. Он ждал новизны, новаций, но не таких, какие предложили Никон и Алексей Михайлович или Петр I. Раскол не протестовал против европеизации как таковой, неприятие вызывали методы и тяготы, которыми сопровождалась модернизация (Пыжиков, 2018: 83). Либеральный подход к характеристике старообрядчества развивал и А.Н. Пыпин. Он призывал не считать раскольников за мракобесов. В расколе выразилось народное стремление к духовной свободе в условиях крепостнического рабства. Раскол стал выражением протеста «земли» (крестьянской общины) против «власти» (бюрократического государства). При этом старообрядчество в массе своей преодолело сектантскую замкнутость и нашло свой путь к просвещению (Пыпин, 1863: 112-115).

Либеральные народники, как и почвенники, считали старообрядчество важным фактором исторического обновления России. Но они делали ставку не на духовный и культурный потенциал староверия, а на его социальный опыт самоорганизации и противостояния власти. Известный историк Н.И. Костомаров на страницах центральной прессы обосновывал тезис, что формирование староверия является лучшим доказательством того, что русский народ способен на организованный протест и духовные поиски без инициативы «сверху». В староверии отразились и укрепились исконные черты русского национального характера – поиск духовного идеала, неприятие власти и бегство от ее несправедливостей, догматизм сознания. Знарок старообрядческой культуры, Костомаров подчеркивал, что староверческая литература в лучших своих проявлениях поднялась до осознания фундаментальных вопросов бытия (Костомаров, 1871: 469-536).

Принадлежавший к народническим кругам известный исследователь староверия А.С. Пругавин был убежден, что именно в расколе содержится квинтэссенция русского культурного кода. Неслучайно участники известного движения «хождение в народ» 1870-х гг. выбирали для работы прежде всего старообрядческие регионы. На страницах своих исследований, широко представленных и в тогдашней периодике, Пругавин характеризовал старообрядчество как хранителя народных традиций отшельничества и аскетизма. Это выражалось в широко распространенных в староверческой среде отречении от мира, постах, истязании тела, а также в практиках «келейничества» и «стародевства». Интересен также подход Пругавина к характеристике старообрядческих самосожжений как акта исторической памяти. На многочисленном материале им было доказано, что места самосожжений и могилы определялись староверами как сакральные. Могилы мучеников становились местами паломничества. Самосожжение воспринималось как акт спасения (Пругавин, 1881: 301-364).

И.И. Каблиц (Юзов) считал, что в расколе был поставлен вопрос о характеристике противостояния инокультурных новаций и национальных традиций. Раскол тем самым предопределил меру западного влияния: русская традиционная культура способна распознать, что воспринять, а чему следует сопротивляться как чужеродному элементу. На конкретных примерах Каблиц показывал, что повседневность многих представителей народа буквально пропитана древлеправославием (Каблиц, 1881: 183-217).

Революционные народники утверждали, что проблема раскола должна решаться в контексте социалистической революции, в ходе которой будут реализованы свобода совести, народовластие, общинно-артельное самоуправление. Раскольников народники отождествляли с революционерами, а в старообрядческой общине видели зачаток ячейки будущего социалистического общества.

Непримиримый противник самодержавия, А.И. Герцен считал старообрядчество социальной базой социалистической революции. Раскол воспринимался им в качестве эпицентра народной консолидации и противостояния власти. Староверов Герцен воспринимал сродни революционерам: и те, и другие обладают огромным опытом сопротивления власти. Противостояние старообрядчества с государством и церковью имеет не религиозный, а социальный характер: староверы борются с государственным строем за свои гражданские права. Староверие для Герцена – это религиозное выражение народного социализма, а крестьянская (в особенности, старообрядческая) община – прообраз ячейки социалистического строя. Староверов и социалистов объединяет также общий взгляд на труд как ключевой фактор социального прогресса и социальной справедливости (Герцен, 1862).

Н.П. Огарев, увлеченный идеей созыва Земского собора, считал именно старообрядцев носителями этой русской традиции. Он был уверен, что именно старообрядчество будет способно осуществить синтез соборности и социализма, русской традиции и европейского прогресса.

Лидер бунтарского направления народничества М.А. Бакунин, подчас выдавая желаемое за действительное, отождествлял раскол и анархию в том смысле, что староверы также не признают власть, хотят полного освобождения личности, не признают социальной иерархии. И все эти особенности исконно присущи русскому народу. Раскол дал народу социальную дисциплину, которую революционеры должны использовать в борьбе с самодержавным строем (Бакунин, 1862).

5. Заключение

Таким образом, на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. старообрядчество находилось в сфере внимания всех политических сил российского общества. Каждое направление общественного движения трактовало раскол, исходя из собственных доктринальных положений. Консерваторы усматривали в расколе угрозу государственному строю страны, при этом отказывая ему в историческом будущем как явлению маргинальному. Почвенники и славянофилы, напротив, видели в старообрядчестве фундамент цивилизационного возрождения России. Староверие являлось для них квинтэссенцией исторического опыта страны, выступало носителем ее основных цивилизационных особенностей – общинности, соборности, истинного православия. Либеральное народничество также связывало с расколом прогрессивный ход российского исторического процесса, но на первое место ставило не духовный, а социальный протестный опыт старообрядчества. Революционные народники утверждали, что раскол – это готовая социальная база для социалистической революции. Старообрядчество аккумулировало в себе исконно присущие русскому народу коллективизм, бунтарство, тягу к свободе и неприятие власти. Интересно, что при этом разные политические силы могли сходиться в трактовке тех или иных аспектов темы раскола. Так, либералы и революционеры считали, что проблема раскола будет решена в контексте модернизации – перехода от традиционного общества к индустриальному. Консерваторы и радикалы были склонны политизировать раскол, видя в нем реальную оппозицию самодержавию. А для народников и почвенников старообрядчество ассоциировалось с русским земским началом.

За период второй половины XIX – начала XX вв. можно проследить следующую динамику развития старообрядческой темы в российской политической публицистике. Конец 1850-х – 1870-е гг. характеризуется ростом интереса общественных сил к старообрядчеству. На страницах периодики проходят жаркие дискуссии по вопросам исторического опыта, протестного общественного и политического потенциала староверия. В 1880–1890-е гг. у оппозиционных сил наступает некоторое разочарование в расколе, накал споров в прессе снижается, зато публицистика становится более объективной, оценки и выводы более взвешенными. Первые годы XX в. вновь знаменуются обострением дискуссий относительно культурно-исторического опыта и оппозиционно-политического потенциала староверия вследствие политизации общественной жизни, либерализации государственного строя и изменений общественного статуса адептов российского старообрядчества.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках гранта «Локальные традиции и историческая память в искусстве старообрядцев XX – начала XXI вв.». Проект № 19-012-00238.

Литература

- Аксаков, 2010 – Аксаков И.С. О державности и вере. Минск, 2010. 683 с.
 Асипова, 2009 – Асипова Н.В. Церковный раскол в общественном мнении России (конец 1850-х – 1860-е годы). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2009. 251 с.
 Бакунин, 1862 – Бакунин М.А. Русским, польским и всем славянским друзьям // Колокол. 1862. 15 февраля.
 Герцен, 1862 – Герцен А.И. Смысл раскола // Колокол. 1862. 18 апреля.
 Гиляров-Платонов, 1905 – Гиляров-Платонов Н.П. Вопросы веры и церкви: Сборник статей. М., 1905. Т. 1. 318 с.
 Дмитриев, 2018 – Дмитриев А.П. Н.П. Гиляров-Платонов и русская литература 1850–1880-х годов. СПб., 2018. 912 с.
 Достоевский, 2011 – Достоевский Ф.М. Дневник писателя. М.: Эксмо, 2011. 736 с.
 Каблиц, 1881 – Каблиц И.И. Политические воззрения староверия // Русская мысль. 1882. № 4. С. 183-217.
 Катков, 1864 – Катков М.Н. Причины происхождения раскола и путь к его уничтожению // Московские ведомости. 1864. № 16. С.174-175.
 Кожурин, Кожурин, 2014 – Кожурин А.Я., Кожурин К.Я. Старообрядчество в работах русских консерваторов второй половины XIX – начала XX века // Известия Санкт-Петербургского аграрного университета. 2014. № 36. С. 277-284.
 Костомаров, 1869 – Костомаров Н.И. Воспоминания о молоканах // Отечественные записки. 1869. № 3. С. 56-59.

Кузнецова, 2019 – Кузнецова Н.Ю. Общественно-политические воззрения народников на старообрядчество европейского Севера на примере работ С.А. Приклонского и А.С. Пругавина. Дисс. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2019. 218 с.

Леонтьев, 1996 – Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство (1872–1891). М., 1996. 714 с.

Лесков, 1956–1958 – Лесков Н.С. Народники и расколоведы на службе (1882) // Собрание сочинений. М., 1956–1958. Т. 11. С. 36–52.

Молзинский, 2017 – Молзинский В.В. Старообрядчество в культуре дореволюционной России как проблема исторической науки // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2017. № 1. С. 29–35.

Нильский, 1863 – Нильский И.Ф. Взгляд раскольников на некоторые наши обычаи // Христианское чтение. 1863. № 1. С. 24–27.

Победоносцев, 1901 – Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1901. 366 с.

Пророки..., 2012 – Пророки византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891). СПб., 2012. 635 с.

Пругавин, 1881 – Пругавин А.С. Значение сектантства в русской народной жизни // Русская мысль. 1881. № 1. С. 301–364.

Пыжиков, 2018 – Пыжиков А.В. Грани русского раскола. М., 2018. 528 с.

Пыпин, 1863 – Пыпин А.Н. Земство и раскол // Современник. 1863. № 3. С. 112–115.

Розанов, 1905 – Розанов В.В. О староверии и староверах // Новое время. 1905. 10 февраля.

Снигирева, 2020 – Снигирева С.Д. Исторические воззрения Ф.М. Достоевского и демократическая концепция раскола А.П. Щапова // Litera. 2020. № 5. С. 14–26.

Субботин, 1892 – Субботин Н.И. Сущность и значение раскола. СПб., 1892. 224 с.

Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. К реформе обновленной России. М., 1912. 116 с.

Товбин и др., 2018 – Товбин К.М., Атобин Р.Ю., Кожурин К.Я. Православное старообрядчество как вариант российской цивилизации: методология исследований // Вестник славянских культур. 2018. Т. 49. С. 9–31.

References

Aksakov, 2010 – Aksakov, I.S. (2010). O derzhavnosti i vere [About statehood and religion]. Minsk, 638 p. [in Russian]

Asipova, 2009 – Asipova, N.V. (2009). Cerkovnyj raskol v obshchestvennom mnenii Rossii (konec 1850-h – 1860-e gody) [Church schism in public opinion in Russia (late 1850s – 1860s). Thesis of Ph.D. of history]. Moscow, 251 p. [in Russian]

Bakunin, 1862 – Bakunin, M.A. (1862). Russkim, pol'skim i vsem slavyanskim druž'yam [To Russian, Polish and all Slavic friends]. Bell, February, 15. [in Russian]

Dmitriev, 2018 – Dmitriev, A.P. (2018). N.P. Gilyarov-Platonov i russkaya literatura 1850-1880-h godov [N.P. Gilyarov-Platonov and Russian literature of the 1850-1880s]. St. Petersburg, 912 p. [in Russian]

Dostoevskij, 2011 – Dostoevskij, F.M. (2011). Dnevnik pisatelya [Writer's diary]. Moscow: Eksmo, 736 p. [in Russian]

Gercen, 1862 – Gercen, A. I. (1862). Smysl raskola [The essence of the Old Believers]. Bell, April, 18. [in Russian]

Gilyarov-Platonov, 1905 – Gilyarov-Platonov, N.P. (1905). Voprosy very i cerkvi: sbornik statej [Questions of Faith and the Church: Collection of Articles]. Moscow, Vol. 1, 318 p. [in Russian]

Kablic, 1881 – Kablic, I.I. (1882). Politicheskie vozzreniya staroveriya [Political views of the Old Believers]. Russkaya mysl'. 4: 183–217. [in Russian]

Katkov, 1864 – Katkov, M.N. (1864). Prichiny proiskhozhdeniya raskola i put' k ego unichtozheniyu [The reasons for the origin of the Old Believers and the path to its destruction]. Moskovskie vedomosti. 16: 174–175. [in Russian]

Kostomarov, 1869 – Kostomarov, N.I. (1869). Vospominaniya o molokanah [Memories of Molokans]. Otechestvennye zapiski. 3: 56–59. [in Russian]

Kozhurin, Kozhurin, 2014 – Kozhurin, A. Ya., Kozhurin, K.Ya. (2014). Staroobryadchestvo v rabotah russkih konservatorov vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Old Believers in the works of Russian conservatives in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Izvestiya Sankt-Peterburgskogo agrarnogo universiteta. 36: 277–284. [in Russian]

Kuznecova, 2019 – Kuznecova, N.Yu. (2019). Obshchestvenno-politicheskie vozzreniya narodnikov na staroobryadchestvo evropejskogo Severa na primere rabot S. A. Priklonskogo i A. S. Prugavina. Diss. ...kand. ist. nauk [Social and political views of the populists on the Old Believers of the European North on the example of the works of S. A. Priklonsky and A. S. Prugavin. Thesis of Ph.D. of history]. Petrozavodsk, 218 p. [in Russian]

Leont'ev, 1996 – Leont'ev, K.N. (1996). Vostok, Rossiya i Slavyanstvo (1872-1891) [East, Russia and Slavs (1872-1891)]. Moscow, 714 p. [in Russian]

Leskov, 1956–1958 – *Leskov, N.S.* (1956–1958). Narodniki i raskolovedy na sluzhbe (1882) [Narodniks and scholars of schism in the service (1882)]. *Sobranie sochinenii*, Moscow, Vol. 11, pp. 36–52. [in Russian]

Molzinskij, 2017 – *Molzinskij, V.V.* (2017). Staroobryadchestvo v kul'ture dorevolucionnoj Rossii kak problema istoricheskoi nauki [Old Belief in the culture of pre-revolutionary Russia as a problem of historical science]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 1: 29–35. [in Russian]

Nil'skij, 1863 – *Nil'skij I. F.* (1863). Vzglyad raskol'nikov na nekotorye nashi obychai [Old Believers' View of Some of Our Traditions]. *Christian reading*, Nr 1, pp. 24–27 [in Russian]

Pobedonoscev, 1901 – *Pobedonoscev, K.P.* (1901). Moskovskij sbornik [Moscow collection]. Moscow, 366 p. [in Russian]

Proroki ..., 2012 – Proroki vizantizma: Peregovorki K.N. Leont'eva i T.I. Filippova (1875–1891) [Prophets of Byzantism: Correspondence between K. N. Leontiev and T. I. Filippov (1875–1891)]. St. Petersburg, 2012, 635 p.

Prugavin, 1881 – *Prugavin, A.S.* (1881). Znachenie sektantstva v russkoj narodnoj zhizni [The significance of religious sects in Russian folk life]. *Russkaya mysl'*. 1: 301–364. [in Russian]

Pypin, 1863 – *Pypin, A.N.* (1863). Zemstvo i raskol [Local government and Old Believers]. *Sovremennik*. 3: 112–115. [in Russian]

Pyzhikov, 2018 – *Pyzhikov, A.V.* (2018). Grani russkogo raskola [Aspects of Russian Old Believers]. Moscow, 528 p. [in Russian]

Rozanov, 1905 – *Rozanov, V.V.* (1905). O staroverii i staroverah [About Old Believers and Old Believers]. *Novoe vremya*. February, 10. [in Russian]

Snigireva, 2020 – *Snigireva, S.D.* (2020). Istoriosofskie vozzreniya F. M. Dostoevskogo i demokraticeskaya koncepciya raskola A. P. SHCHapova [Historiosophical views of F.M. Dostoevsky and the democratic concept of the Old Believers by A.P. Shchapov]. *Litera*. 5: 14–26. [in Russian]

Subbotin, 1892 – *Subbotin, N.I.* (1892). Sushchnost' i znachenie raskola [The essence and significance of the Old Believers]. St. Petersburg, 224 p. [in Russian]

Tihomirov, 1912 – *Tihomirov, L.A.* (1912). K reforme obnovlennoj Rossii [Towards the reform of a renewed Russia]. Moscow, 116 p. [in Russian]

Tovbin i dr., 2018 – *Tovbin, K.M., Atobin, R.Yu., Kozhurin, K.Ya.* (2018). Pravoslavnoe staroobryadchestvo kak variant rossijskoj civilizacii: metodologiya issledovanij [Orthodox Old Believers as a Variant of Russian Civilization: Research Methodology]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. 49: 9–31. [in Russian]

Проблема старообрядчества в российской публицистике второй половины XIX – начала XX вв.: вопрос о сохранении традиционных ценностей и исторической памяти русского народа

Екатерина Васильевна Быкова^а, Константин Николаевич Тарасов^{а,*}

^а Вятский государственный университет, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрен вопрос об отражении старообрядческой тематики в российской общественно-политической публицистике второй половины XIX – начала XX вв. Источниковую базу исследования составляют материалы российской газетной и журнальной периодики. Проанализированы взгляды на старообрядчество представителей основных направлений идейно-политического спектра общественной мысли России указанного периода (консерваторов, либералов, почвенников, революционных и либеральных народников), а также публицистов – адептов официального православия и РПЦ. Сопоставлены оценки публицистами разных политических направлений исторического опыта, социокультурного наследия, социального и политического протестного потенциала старообрядчества. Выявлена динамика развития отечественной общественно-политической публицистики, посвященной старообрядчеству, за период конца 1850-х гг. – 1905 г. Установлено, что на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. старообрядчество находилось в сфере внимания всех политических сил российского общества, а каждое направление общественного движения трактовало раскол, исходя из собственных доктринальных положений. Большинство представителей общественного движения воспринимали раскол как важный социальный, культурный и даже политический фактор исторического обновления России.

Ключевые слова: старообрядчество, публицистика, традиционная культура, историческая память, общественное движение.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: tar-87@mail.ru (К.Н. Тарасов)